Тьмутаракани, на котором сделано несколько неясных букв начерками XI—XII веков. Разобрать эту надпись не удалось ввиду ее отрывочности.

Жемчужиной среди археологических находок является опубликованная недавно Гнездовская надпись X века, из которой выясняется, что в сосуде с этой надписью хранилась какая-то пряность — „горухща", т. е. горчичное семя, перец или еще какое-либо пряное вещество, дорого ценившееся в средние века.[1]

Таким образом употребление письменности в XI—XIII веках для предметов гончарного производства является совершенно доказанным.

Как и можно было предполагать, письменность имела немалое распространение и в рядах каменщиков-строителей. Специальное исследование Б. А. Рыбакова показало, что кирпичи, употреблявшиеся для строительства каменных зданий в древней Руси, обычно имеют метки. Так, на нескольких кирпичах собора в Старой Рязани оттиснуто имя мастера: Яков. „Надпись вырезана была прямо в форме и оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение".[2] В настоящее время можно говорить уже с полной определенностью, что среди строителей каменных зданий древней Руси имелись грамотные люди.

Большое распространение письменности находим также у резчиков по камню. Древнейшими образцами письменности по камню являются каменные плиты с остатками букв, найденные в развалинах Десятинной церкви в Киеве, построенной в самом конце X века. Одна из древнейших надписей сделана на известном Тьмутараканском камне. К 1133 году относится Стерженский крест; почти одновременно с ним был поставлен известный Борисов камень на Западной Двине. Распространенность подобных крестов и камней с памятными записями XI—XIII веков указывает, что письменность прочно внедрилась в обиход древней Руси. Об установившемся обычае ставить на межах камни с надписями говорит и так называемый „камень Степана", найденный в Калининской области.[3]

Письменность была распространена среди мастеров-художников, расписывавших древнерусские церкви. Для них грамотность, вероятно, являлась не только обычной, но и обязательной, так как церковные изображения, как правило, сопровождались объяснительными надписями. Количество малых и больших надписей на иконах и фресках настолько велико, сами надписи сделаны так тщательно и так отражают развитие живого русского языка с его диалектными особенностями, что не требуется особых доказательств, чтобы сделать вывод о широком развитии письменности среди русских мастеров-художников.

Письменность была хорошо известна и в рядах ювелиров, оружейников, литейщиков и т. д.

Напомним здесь о существовании ряда надписей на различного рода сосудах, крестах, иконах, украшениях, которые дошли до нас от XI—XII веков. Невозможно допустить, что ремесленники, делавшие

---

[1] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник Академии Наук, № 4, 1950. — Чтение Мареша („горух пса") представляется недостаточно обоснованным.

[2] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, XXXVIII, 1951, стр. 18—19. — Надпись прочитана А. Л. Монгайтом, как „Яков тв..." (вероятно, „творил").

[3] П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси. Т. I. Материальная культура. М.—Л., 1948, стр. 61—62.